

Кобленкова Диана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, преподаватель Российско-шведского центра Российского государственного гуманитарного университета.

Лермонтов и русский пантеон в восприятии шведского литературоведения

Аннотация. В статье анализируется восприятие личности и творчества М. Ю. Лермонтова в шведской критике. В исследованиях о поэте преобладает биографический и социально-этический подход, поэтике произведений уделяется незначительное внимание. Большое значение придается образу Кавказа, который был близок Лермонтову психологически и является эстетическим «ключом» к его произведениям. Лермонтов воспринимается как представитель реалистической литературы в России наряду с А. С. Пушкиным, представителем второй – нереалистической тенденции – является Н. В. Гоголь.

Ключевые слова: Лермонтов, русская литература, шведская критика, Кавказ, рецепция

Koblenkova Diana V., Ph.D., docent of the chair of the foreign literature of the Nizhny Novgorod State University named after NI Lobachevsky, a teacher of the Russian-Swedish Centre of the Russian State University for the Humanities.

Lermontov and Russian pantheon of Swedish literary perception

Resume. The article examines the perception of personality and work of Lermontov in the Swedish literary critique. In studies about the poet prevails biographical and socio-ethical perspective, the poetics of the works is given little attention. Great importance is attached to the image of the Caucasus, which was close Lermontov psychologically and aesthetic became the key to his work. Lermontov is estimated as a representative of the realistic trend in Russian literature, along with Pushkin, the representative of the second – an unrealistic poetics for the Swedes is Gogol.

Keywords: Lermontov, Russian literature, the Swedish critique, the Caucasus, reception

Отношение европейских читателей, критиков и издателей к русским писателям отличается от устоявшихся представлений российского литературоведения. Шведская аудитория тоже избирательно относится к русской классике и расставляет акценты в соответствии со своими приоритетами.

Из всего комплекса русской литературы XIX-XX веков продолжают переиздаваться в XXI столетии лишь четыре текста: «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, «Архипелаг Гулаг» А. И. Солженицына. Более узкой аудитории известны имена Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, В. Маяковского, М. Цветаевой, А. Ахматовой и А. Платонова. Из современных российских писателей интерес вызывал Б. Акунин.

Как видим из этого списка, первенство остаётся за Достоевским и его романом «Преступление и наказание». Произведения Достоевского стали для шведов образцом психопатологической прозы, в которой автор сумел соединить анализ глубинных сторон человеческого сознания с детективной интригой. Этот синтез является на современном этапе неотъемлемой чертой шведской литературы.

Второе место удерживается за Львом Толстым, но не с «Войной и миром», а с романом «Анна Каренина». Для шведской аудитории роман актуален, прежде всего, темами феминизма и женского суицида.

Из классиков XIX века особое место занимает И. С. Тургенев. В XIX веке он был для шведов провозвестником социальных перемен в России, а затем и во всей Европе [Шарышкин, 1975; Grigoriev, 2013; Ljunggren, 2013], его романы открыли быт русской провинциальной усадьбы как самостоятельной темы в русском реализме [Nikolajeva, 1991; Nikolajeva, 1996]. Однако в настоящее время интерес к творчеству писателя не проследивается, так как вместе с утратой русской дворянской жизни ушла и актуальность его произведений.

Не занял особого места в читательском рейтинге и А. П. Чехов. Его проза казалась лишь юмористической литературой на бытовые темы, несопоставимой по глубине с произведениями Достоевского или Толстого. Изменить мнение о нём попытался известный русист Ханс Левандер в монографии «Трое русских. Гоголь. Достоевский. Чехов» [Levander, 1988]. Отчасти скорректировал представление о писателе театр, в частности всемирная популярность пьесы «Дядя Ваня».

Из русских авторов первой половины XX века большой интерес вызывал В. Маяковский, причём его драматургическое мастерство и приёмы сатиры ставились выше, чем талант М. Булгакова [Jersild, 1982]. Однако на сегодняшний день роман Булгакова «Мастер и Маргарита» является самым издаваемым русским произведением первой половины XX века.

Восприятие М. Ю. Лермонтова и его эпохи в Швеции тоже весьма показательно.

Лермонтов никогда не оценивался в Швеции как крупный русский писатель. Его характеризовали как эпизодическую, хотя и яркую фигуру своего времени. Чтобы лучше понять причины «теневого» положения поэта, вернёмся к началу XIX века.

Для шведских историков литературы русская словесность делится на два основных потока. Первый поток – это реалистическая литература, традиции которой в России, по убеждению шведов, закладывает Пушкин. Второй поток – нереалистическая литература, основоположником которой является Гоголь. Все остальные русские писатели делятся соответственно на последователей Пушкина или Гоголя.

Любопытно, что оценки Пушкина и Гоголя принципиально различны: по мнению ряда исследователей, Пушкин, будучи выходцем из дворянской семьи, был «слишком аристократичным»¹ для России, чтобы стать по-настоящему народным писателем. К тому же, Пушкин слишком во многом следовал за Байроном в поэзии и за Шекспиром в драматургии. И хотя он использовал опыт английских писателей, не копируя произведений, а перерабатывая их на русском материале, этого было недостаточно, чтобы отразить в полной мере сугубо «русскую тему»².

Гоголь, по мнению шведских исследователей, напротив, сумел показать картины обыденной народной жизни и в пол-

ном смысле мог бы считаться национальным художником³. Творчеству Гоголя посвящено в Швеции несравнимо большее количество научных работ, чем произведениям Пушкина, его личность и литературная судьба вызывают серьёзный интерес не только у шведских исследователей, но и прозаиков⁴. Для шведов Гоголь, с одной стороны, создатель красочных картин Малороссии, выразитель казацкого духа, с другой – социальный критик российской имперской системы, с третьей – визионер и мистик [Кобленкова, 2010; Nåkansson, 2012].

Пушкин не стал столь интересной фигурой для шведов, что вызвано несколькими причинами. Прежде всего, не могла быть оценена пушкинская поэзия и соответственно его вклад в развитие поэтического русского языка. Шведские критики имеют представление о том, что Пушкин – великий русский скальд, но своего мнения о его поэзии они составить не могут, поскольку истинная ценность поэзии может быть оценена только внутри национальной литературы. Роман «Евгений Онегин» рассматривается как поэма, претендующая на романную форму, но ещё не ставшая ею [Nikolajeva, 1996].

Положительную роль в оценке личности Пушкина играет его политическая позиция. Ссылка Пушкина на Кавказ и гибель писателя на дуэли нередко романтизируются и рассматриваются в контексте политических репрессий постдекабристского периода.

Именно в этом контексте чаще всего описывается творчество второго представителя реалистического направления – М. Ю. Лермонтова.

В кратких публикациях о нём повторяется несколько основных положений, показывающих, что восприятие творчества Лермонтова сложилось и мало подвержено современной ревизии. Прежде всего, оговаривается, что при жизни Лермонтов почти ничего не смог опубликовать, поэтому известность в России ему принесло стихотворение «Смерть поэта», посвящённое Пушкину⁵. Выдвижение этого факта на первый план говорит о том, что шведы оценивают, прежде всего, гражданский поступок Лермонтова, и о том, что поэт стал известен благодаря Пушкину. Дерзкое выступление в защиту опального Пушкина стало его пропуском в мир российской культуры. Достоинства самого стихотворения не рассматри-

ваются, поскольку этическая позиция Лермонтова в данном случае для шведских критиков неизмеримо важнее сугубо литературной работы.

Оказавшись, таким образом, в тени Пушкина, Лермонтов при этом получил более лестные оценки за свои литературные достижения. В частности, отмечается, что Лермонтов, как и Пушкин в молодости, тоже в качестве наказания, был сослан на Кавказ. Но у Лермонтова кавказская тема стала исключительно удачной составляющей его произведений. Картины прекрасной дикой природы горного края отразились в его лучших стихах, он остался верен этой теме и в «Герое нашего времени». Причём подчёркивается, что Кавказ был для него исходной точкой, что он в своей «лихорадочной и яркой жизни»⁶ явно чувствовал душевное родство с его непокорным народом.

Второе, что отмечается в большинстве исследований, – это принадлежность Лермонтова к русскому офицерству. Факт того, что Лермонтов служил в действующей армии и принял участие в Кавказской войне, формирует представление о нём как о представителе – возможно, первом – «военной» прозы в России. Примером тому служит образ офицера Печорина.

Об авторе «Героя нашего времени» также говорят, что он, как и Пушкин, строго говоря, не смог создать полноценного романа: «Онегин» близок к поэме, а «Герой нашего времени» – набор новелл со сквозным героем. Но попытка Лермонтова разработать в русской литературе романную форму наиболее значительна. Подчёркивается, что, хотя Лермонтов, как и Пушкин, тоже был слишком аристократичным для России, он пытался, в отличие от Пушкина, преодолеть свой собственный байронизм и преуспел в изображении своего поколения. Более того, новаторские приёмы психологической прозы и глубина исследования душевной жизни героя, представленные в романе, становятся базой для будущих романов Достоевского⁷. То есть ключевая фигура русской и мировой литературы – Достоевский – «вышел», по убеждению шведов, из прозы Лермонтова. Стремление Лермонтова приблизиться к русской теме обнаруживается исследователями и в его «исторической» поэзии, в которой они видят ориентацию на эпические тексты былин.

Показательно, что до последнего времени критиков совсем не занимали поэмы Лермонтова. Исключением стала поэма «Мцыри», перевод которой вместе с обширным комментарием о биографии и творчестве поэта появился в Швеции в 2003 году. Автор этой монографии Лассе Циллиакус, являющийся переводчиком поэмы, остаётся на сегодняшний день единственным шведским исследователем, который написал о русском поэте биографическую работу. Книга имеет концептуальное название: «Лермонтов и послушник» [Zilliacus, 2003]. Поскольку слово «мцыри» обозначает «послушник в монастыре», то переводчик, оставляя лермонтовский вариант названия, даёт подзаголовок, используя шведский эквивалент «novisen». В результате ключевым словом поэмы для шведов является как раз «послушник». Разумеется, что в контексте жизни самого Лермонтова название поэмы и название книги о нём приобретают символическое звучание. Переводчик явно стремился объяснить себе и читателю, что именно страстный, эмоциональный, высокомерный, демонический Лермонтов увидел родственного в образе монаха.

Книга открывается нарисованной от руки картой Кавказа с указанием города Тифлис. Кавказ, таким образом, снова становится не только фоном в восприятии биографии Лермонтова, но и интеллектуальным «ключом» к его художественной философии. Книга снабжена большим количеством фотографий и рисунков, которые дают представление о месте пребывания Лермонтова в Пятигорске и о том пейзажном контексте, в котором разворачиваются события. Исследование содержит портреты самого Лермонтова, включая посмертный портрет после его гибели на дуэли.

Представлена в книге и галерея женских образов.

Из числа тех, с кем Лермонтов был связан сильным чувством, особое значение придаётся Е. Сушковой, хотя автор знает, что самую глубокую привязанность Лермонтов сохранил к В. Лопухиной. Акцентирование личности Сушковой навеяно биографическими данными об их отношениях, поскольку в истории драматического столкновения поэта с первой избранницей можно найти истоки всех остальных его несчастливых романов, отмеченных чувством психологического соперничества в любви-ненависти.

Большое значение в книге уделяется и конфликту Лермонтова с Мартыновым, приведшему к дуэли. Автор задаётся вопросами не только о причинах ссоры, но и о ходе самой дуэли, поскольку в лермонтоведении существует версия о втором, параллельном выстреле, который был произведён не Мартыновым. Ответов на вопросы, связанные с убийством Лермонтова, по-прежнему у исследователя нет.

Рассуждая об основных произведениях поэта, комментатор, как и большинство шведских рецензентов, сравнивает его с Печориным, дуэль которого с Грушницким выглядит пророческой. Ранняя смерть Печорина в романе тоже кажется критикам интуитивным предчувствием Лермонтова собственной гибели, к которой он, возможно, сознательно стремился.

Оценивая смысл образа Печорина, переводчик отмечал, что Лермонтов в лице своего героя отразил чувство вины за невыполненное предназначение своего поколения, поэтому, пишет Л. Циллиакус, роман о Печорине – это история о том, как он «искал чего-то», а не о том, что «он бежал от Бога и людей» [Ibid, s. 67].

В логике романа рассматривается и поэма «Мцыри» – как повествование о сильной личности, которая чувствует себя загнанной в ловушку и стремится сбросить «сдерживающие её кандалы». Своё понимание смысла поэмы автор передаёт цитатой из изречений китайского философа, что «лучше быть мёртвым львом, чем живой свиньёй» [Ibid, s. 67].

Одним из главных поэтических принципов построения поэмы переводчик считает приём контраста. Он наиболее полно отражает натуру самого Лермонтова, в котором жили и детские страхи, и стремление повелевать. Характерно, что на обложке книги изображена тёмная фигура послушника, в страхе закрывающегося от горного барса, дикого и инстинктивного. В контексте размышления автора о контрастах иллюстрация кажется символической аллюзией на самого Лермонтова, над которым разверзлась пасть чудовища-зверя-бездны. Причём бездны – его собственной. Лермонтов, таким образом, воспринимается в этом контексте дуалистически: он и Мцыри, он и барс.

Так, личные качества Лермонтова и экзотическая декорация Кавказа оттеняют интерес к его поэтическим спо-

собностям. Очевидно, что биографический подход, акцентирующий социальную и психологическую подоплёку его литературной известности, превалирует над анализом техники письма. Напомним, что в шведском литературоведении интерес к поэтике произведений незначителен. Критика оце-нивает главным образом этическое содержание текстов и их социальную функцию. В случае Лермонтова его неординарная судьба оказалась более привлекательным объектом осмысления, нежели тематика или поэтика стихотворений и поэм.

Литература

- *Кобленкова Д. В.* Роль Н.В. Гоголя в русской литературе в отражении шведского литературоведения // Девяты́е Гоголевские чтения. Н.В. Гоголь и русская литература. К 200-летию со дня рождения великого писателя. Материалы докладов / Общ. ред. В.П. Викуловой. М.: 2010. С. 434-442.
- *Шарыпкин Д. М.* Русская литература в скандинавских странах. Л.: Наука, 1975. 220 с.
- *Grigoriev M.* Var tid har sin Gogol // UNT torsdag 7 februari 2013. S. 5.
- *Håkansson N.* Fönstret mot öster. Rysk skönlitteratur i svensk översättning 1797-2010 med en fallstudie av Nikolaj Gogols svenska mottagande. Ruin, 2012. 348 s.
- *Jersild P. C.* Michail Bulgakov // Författarnas litteratur Historia. De utländska författarna 3. Red. M. Gustafsson och B. Håkansson. Malmö: Författorforlaget, 1982. 504 s. S. 248-259.
- *Levander H.* Tre Ryssar. Gogol. Dostojevskiy. Tjechov. Stockholm: Carlssons, 1988. 348 s.
- *Ljunggren M.* När den ryska litteraturen blev svensk // Svenska Dagbladet 16 februari 2013. S. 15.
- *Nikolajeva M.* När Sverige erövrade Ryssland. Stockholm/ Stehag: Brutus Östlings Bokförlag Symposion, 1996. 376 s.
- *Nikolajeva M.* Selma Lagerlöf ur ryskt perspektiv. Lagerlöfstudier, 1991. 170 s.
- *Zilliacus L.* Lermontov och novisen. Stockholm: CKM, 2003. 126 s.

¹ Rysk litteratur före 1900 / Litteraturhandboken. Huvudredaktör Björn Linell. Stockholm: Forum, 1999. 848 s. S. 204-205.

² Ibid. S. 205.

³ Ibid. S. 205.

⁴ Johansson Kj. Gogols ansikte. Stockholm: Norstedts förlag, 1989. 311 s.; Юханссон Ч. Лицо Гоголя. Пер. со шведского А. Афиногеновой. М.: Художественная литература, 1993. 220 с.

⁵ Goring R., Levander H., Levander M. Vem är vem i världslitteraturen. Författarlexikon från A till Ö. Stockholm: Rabén Prisma, 1998. 400 s. S. 191.

⁶ Rysk litteratur före 1900 / Litteraturhandboken. S. 205.

⁷ Goring R., Levander H., Levander M. S. 191.

